

2005

29

A decorative graphic consisting of two stylized, symmetrical wings or flourishes that curve upwards and outwards, framing the number 29.

BOOKS
RECORDS
NEW

ВСТРЕЧИ

**АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК**

2005

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Редактор Валентина СИНКЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Дмитрий БОБЫШЕВ (США),

Евгений ВИТКОВСКИЙ (Россия),

Марина ГАРБЕР (Люксембург)

Татьяна ГРИНДЛИНГЕР (США),

Вадим КРЕЙД (США), Виктор ЛАЗУХИН (США),

Рина ЛЕВИНЗОН (Израиль),

Анатолий ЛИБЕРМАН (США),

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН (США).

Василий МОЛОДЯКОВ (Япония),

Лариса РАТНИКОВА (США).

Обложка Владимира ШАТАЛОВА

Library of Congress Card Catalog No: 84-645937

ISSN: 0888-5257

ENCOUNTERS

7738 Woodbine Avenue

Philadelphia, PA 19151

U.S.A.

О. ЕСЛИ БЫ

О, если бы так жить, как нам
Порою снится: без печали,
Без страха. Побывавши там,
Мои свидетели молчали.
Там каждый миг учтен в тетради
С закладкой шелковой. А тут
Свои сокровища минут,
Бессмертный ум, бесценный дар
Мы тратим тщетно, смеха ради.
Захлопнул дверь, умчал возница,
Светя в снегу лучами фар.
О, если бы так жить, как снится.

ТЕАТР

Когда, очерчен кругом света,
актер, по прихоти поэта,
сжигает слов и сердца дань
на дымном жертвеннике храма –
его комедия и драма
сплетают потайную ткань,
и от столетия к столетью
прокинув золотую нить,
стремятся душу уловить
своей невидимую сетью.
И между сценою и залом
течет живая пустота,
как воздух горного хребта
над долгожданным перевалом.

ВИКТОР ФЕТ

ГОГОЛЬ

Пусть публикою театральной
не движет страх трансцендентальный,
тот вечный гоголевский страх,
на каждое второе слово
почтмейстера и Хлестакова –
как отзвук бытия иного,
как мертвый свет в чужих мирах.
Блажен, кто курс культуры краткой
закончил школьную тетрадкой,
не перечитывая вновь
тех жутких строк о Хлестакове,
которые створожат кровь
несовместимой группой крови.
Да был ли, право, Хлестаков?
На мейерхольдовских площадках
застыло время в отпечатках
квадратных гаринских очков.
Со сцены в онемевший зал
туман истории сползал.
Россия. Гоголь. Пустота.
Открылась бездна, да не та.

ВИКТОР ФЕТ

МИР СТРАНЕН

Мир странен и сиюминутен,
И у него свои порядки:
У трона вырастет Распутин,
У Менделя – горох на грядке.

Споткнется конь перед парадом,
Трубач не те сыграет ноты.
Те, кто случайно будут рядом,
Заполнят щели и длинноты.

Из-за высокого забора
Слежу из ниши неприметной
За направлением отбора
И извергающейся Этной.

Багряный цвет леса одели
В своем великолепии диком,
А над фанерою модели
Сидят, мудрят Уотсон с Криком.

ВИКТОР ФЕТ

ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО

Еще неизвестно, чей текст сохранится,
чей маркер замажет застывшие лица,
кто будет спрессован в наносных пластах,
как старый гербарий в газетных листах,
чей след избежит тектонических сбросов
заветным ответом забытых вопросов,
чьи строки наследуют суть языка,
как блески слюды в водостоках песка,
какие шедевры, ушедшие в Лету,
осадочный камень поведает свету,
и что за геолог на высохшем дне
найдет уцелевшую весть обо мне.

ПОКА ЕСТЬ ВРЕМЯ

Пока есть время – пой, пиши
бесстрашно и беспрекословно,
седи прилежно и готовно
за путешествием души.
Веков разрушенные соты
еще хранят волшебный мед;
еще хрустален небосвод,
еще известны наши ноты,
но за словесным частоколом
мир предстает случайным сколом
чужих, осадочных пород.
Суть времени обнажена;
достигнув нового предела,
мы на доске кусочком мела
выводим формул письма.
И снова смысла ищем мы
под вечный ритм зимы и лета,
за спектром пушкинского света,
за гранью гоголевской тьмы.

ВИКТОР ФЕТ

ГОГОЛЬ

Пусть публикою театральной
не движет страх трансцендентальный,
тот вечный гоголевский страх,
на каждое второе слово
почтмейстера и Хлестакова –
как отзвук бытия иного,
как мертвый свет в чужих мирах.
Блажен, кто курс культуры краткой
закончил школьною тетрадкой,
не перечитывая вновь
тех жутких строк о Хлестакове,
которые створожат кровь
несовместимой группой крови.
Да был ли, право, Хлестаков?
На мейерхольдовских площадках
застыло время в отпечатках
квадратных гаринских очков.
Со сцены в онемевший зал
туман истории сползал.
Россия. Гоголь. Пустота.
Открылась бездна, да не та.